

© Е. Б. Бачурина

DOI: 10.15293/2226-3365.1405.19

УДК 811.161.1'38 + 821.161.1(092) + Гумилёв Л. Н.

СТИЛИСТИЧЕСКОЕ ВАРЬИРОВАНИЕ ДИСКУРСА Л. Н. ГУМИЛЕВА ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ИМ КОМПАРАТИВНЫХ ТРОПОВ

Е. Б. Бачурина (Новосибирск, Россия)

В статье сопоставлены особенности использования компаративных тропов (как единиц ФСП компаративности) в академических и научно-популярных работах известного ученого Л. Н. Гумилёва и тем самым определены отдельные черты языковой личности автора. Отмечается, что Л. Н. Гумилёв, выбирая нетрадиционный стиль изложения в более поздних работах, сознательно предпочел принятому академическому канону живой язык повествования. Подчеркивается, что в ранних работах преобладают синтаксические компаративы: сравнения-сопоставления, сопоставительные структуры, а в более поздних количество лексико-семантических компаративов, то есть метафор, заметно возрастает.

В заключении делается вывод о том, что в трудах Л. Н. Гумилёва проявилась одна из заметных черт его языковой личности – стремление к экспрессивизации академического изложения, проявляющаяся в использовании книжных и разговорных фразеологических единиц, основаниями которых являются сравнения, метафоры и литературные реминисценции.

Ключевые слова: компаративные тропы (сравнение-сопоставление, образное сравнение; метафора: стертая, образная, индивидуально-авторская), академический и учебно-описательный подстили научного изложения.

Цель данной статьи – сравнить особенности использования компаративных тропов в разновременных текстах Л. Н. Гумилёва и тем самым выявить стилистические сдвиги в дискурсе автора.

Л. Н. Гумилёв начал активно публиковаться в 1959 г. В своей работе «Древняя Русь и Великая степь» (2006) он заметил следующее: «Самые мелкие детали, необходимые для уточнения хода событий, описаны в статьях традиционными приемами исторического исследования... (выделено нами. – Е.Б.) Та-

ких статей – исторических, географических и археологических – пришлось написать более ста» (Гумилёв, 2006, с. 12). Обобщение собранного материала дало жизнь специальным монографиям («Хунну», 1960; «Хунну в Китае», 1974; «Древние тюрки», 1967), которые были выполнены не только «традиционными приемами», а, как писал сам автор, используя слова Г. Р. Державина, «забавным русским слогом» (Гумилёв, 2006, с. 12). Выбирая нетрадиционный стиль изложения, Л. Н. Гумилёв сознательно предпочел принятому акаде-

Бачурина Елена Борисовна – аспирант кафедры современного русского языка, Новосибирский государственный педагогический университет.

E-mail: bachur08@mail.ru

мическому канону живой язык повествования, который не снижает научной достоверности, но повышает степень доходчивости и легкости восприятия. Примечательно, что автор просит принимать «забавный русский слог» в научном исследовании как эксперимент, стилистический и композиционный, тем самым эксплицируя себя не только как историка и этнолога, но и, частично, как стилиста.

В текстах Л. Н. Гумилёва мы анализируем компаративные тропы, а именно: генетически связанные сравнения и метафоры. Метафоры, как известно, соотносятся с лексико-семантическим уровнем, а сравнения прежде всего с синтаксическим. «Сравнение – это один из главных способов осмысления действительности, – пишет Н. Д. Арутюнова, – что сделало его предметом логики. Одновременно сравнение – одна из форм художественного мышления, что сделало его предметом поэтики и стилистики» [1, с. 353].

По наличию/отсутствию компонента образности (яркого эмоционального представления) сравнения делятся на образные (сравнения-уподобления) и сравнения-сопоставления – стандартные, безобразные (В. М. Огольцов, Е. В. Скворецкая, М. И. Черемисина и др.). Сущность сравнения состоит в сопоставлении двух или нескольких предметов, явлений, действий, качеств, имеющих близкие или одинаковые признаки (и тогда мы имеем дело с безобразным сравнением) или неблизкие, разнородные по семантике (в этом случае речь уже идет об образных сравнениях).

Вслед за Н. Д. Арутюновой, метафору мы понимаем как «троп или фигуру речи, употребление слова, обозначающего некоторый класс объектов, явлений, действий или признаков для характеристики или номинации другого, сходного с данным классом объ-

екта или индивида» [1, с. 233]. Подчеркнем, что метафора соотносится только со сравнением-уподоблением.

В ранних работах исследователя, ориентированных на академическое изложение, часто используются не образные сравнения, а сравнения-сопоставления, например: *Озера мелеют, рыба в них гибнет, и в тундру, как и в степь, приходит голод.*

Сравнения-сопоставления часто маркируются составными союзами, актуализирующими уточнение: *подобно тому как, как и, так же как*, например: *Но в монгольской религии, как и в шаманизме, нет понятий рая и ада, а есть понятия «верхнего» и «нижнего» миров, идентичных нашему «среднему» миру; Усыхание степи сверх привычного им предела подорвало их скотоводческое хозяйство, подобно тому, как раньше оно разрушило хозяйство хазар.*

Маркерами сравнения-сопоставления могут также быть специализированные предлоги: *подобно, наподобие (Подобно китайским историкам...)*, сопоставительная интонация, например: *Летучие отряды хуннов производили грабежи в разных областях Северного Китая, китайцы ограничивались обороной.*

Сопоставления не по сходству, а по различию могут выражаться при помощи частицы *не* вместе с союзами *но* или *а*, например: *Но не андроновцы играли первую роль в Южной Сибири во втором тысячелетии до нашей эры.*

Указанные средства сопоставления в пределах одного предложения смогут соединяться с образными сравнениями, выраженными, например, словообразовательно, что несколько нарушает академический слог, общая высказыванию экспрессивность, например: *Игорь Ольгович был зверски убит*

не своим победителем Изяславом Волынским, а толпой киевлян.

В ранних работах значительно больше форм сравнений-различий, выраженных сравнительной степенью прилагательных и наречий. В основном такие формы выражают не образное, а логическое сравнение, но сопутствующие оценочные значения, поддержанные обильными перечислениями и наречиями меры и степени (*гораздо*), экспрессивизируют изложение событий: *Но есть вещи хуже войны: обращение в рабство, оскорбление чтимых святынь, разграбление имущества и, наконец, оскорбительное пренебрежение; Гораздо страшнее сложилась коллизия в «мусульманском мире».*

В поздних работах использование форм сравнительной степени соответствует образному сравнению, например: *Страшнее сабель и стрел дейлемитов оказалась вспыхнувшая в лагере русских дизентерия.* Соотношение неоднородных предметов: *дизентерия и сабли, стрелы* – делает сравнение образным. *Сабли и стрелы* используются в дискурсе Л. Н. Гумилёва и в прямом, и в переносном употреблении. Такое явление Н. А. Кожевникова рассматривает как мотивацию тропов предметным миром произведения (то есть «реалиями») [8]. В таких случаях текст становится более суггестивным, и подобные примеры свидетельствуют о том, что дискурс Л. Н. Гумилёва соединяет научно-популярный стиль с художественным.

Следует заметить, что в работах Л. Н. Гумилёва начального периода, выдержанных в духе «традиционных приемов», встречаются и образные союзные сравнения (*степь как море*), и образные метафоры: *«таежное море»* (кавычки авторские – Е.Б.), *летучие отряды* Однако их в ранних работах их в 2,4 раза меньше, чем в поздних.

В ранних работах Л.Н.Гумилёва встречается немало устойчивых выражений разного типа, в формировании которых участвуют или метафора, или сравнение, а именно:

– наличие книжных, в том числе и художественных реминисценций: *Некоторый свет на этот запутанный вопрос проливают античные историки, в частности Птоломей; В монголах укоренилось представление о родовом коллективе как основе социальной жизни, о родовой (коллективной) ответственности за судьбу любого рода и об обязательной взаимовыручке. А еще позднее – легенду стали воспринимать как сказку, потому что фольклористика и биофизика еще более несовместимы, чем гений и злодейство* (Пушкинское *гений и злодейство* в качестве образа сравнения по различию, несомненно, увеличивает степень эмоционального воздействия текста);

– наличие разговорных фразеологизмов, несмотря на академический характер более ранних работ: *Однако привлечение широкого материала из истории окрестных стран позволило А.Ю. Якубовскому отнестись критически к банальному пониманию истории Руси и половецкой степи как к вечной войне не на жизнь, а на смерть; Дыма без огня не бывает, и причиной слуха был разгром войск сельджукского хана.*

Использование понятий, связанных с определенным историческим периодом, выраженных архаическими устойчивыми выражениями, в рамках сопоставительных конструкций, маркированных союзами *а, чем*, сохраняет академический характер изложения в ранних сочинениях автора, соответствующих определенной эпохе: *... смерть полагалась лишь за ослушание на войне, а при воровстве и убийстве разрешалось откупаться скотом. Кочевое пастушеское хозяйство хуннов в первом тысячелетии до*

нашей эры было значительно более высокоорганизованно, **чем** хозяйство их оседлых соседей.

Принадлежность ранних работ Л. Н. Гумилёва академическому подстилю научного изложения в области истории и этнологии подтверждается использованием:

– названий народов: *Чжурчжэньские «Алтан-ханы»* (титул, обозначающий «золото» и эквивалентный китайскому Кинь, совр. Цзинь. – Е.Б.) *не любили татар, но использовали их против кераитов и монголов; Известно, что монголы предпочитали использовать контингенты покоренных народов вдали от родины, и естественно, что часть войска Батяя была укомплектована чжурчжэнями, тогда как в войсках его кузена Хубилая, владевшего Китаем, служили кыпчаки (половцы), аланы и русские);*

– собственных имен: *Давидовичи (дети Давыда Святославича) предали Ольговичей, но те удержались потому, что, видимо, черниговцы так же не хотели Мономашичей, как киевляне – Ольговичей;*

– топонимов: *В эпоху Цюй Юаня восточные юэ еще держались в Цзян-нани и доставляли китайцам больше неприятностей, чем освоенное для плавания море.*

В поздних работах, например, в книгах «Древняя Русь и Великая степь», «От Руси до России» и др. в 2,3 раза реже встречаются перечисленные компоненты, в 2 раза меньше примеров использования абстрактной лексики.

Мы кратко осветили особенности использования компаративных тропов в ранних академических трудах Л. Н. Гумилёва. Далее обратим внимание на то, как применяются сравнения и метафоры в более поздних работах историка и этнолога. Сразу заметим, что если в ранних работах преобладают синтаксические компаративы: сравнения-

сопоставления, сопоставительные структуры, – то в более поздних количество лексико-семантических компаративов, то есть метафор, заметно возрастает.

Историографический источник (текст), по мнению Н. А. Мишанкиной, создается с целью передачи информации о прошлом, его автор претендует на непредвзятое изложение событий, научную позицию по отношению к описываемому. Однако, несмотря на жесткий фактографический каркас, исторический научный текст, также как и другие виды гуманитарных текстов, представляет метафорическую систему, репрезентирующую модель объекта [10, с. 52–61].

В работах Л. Н. Гумилёва (особенно созданных в последние десятилетия) можно наблюдать насыщенность многих фраз элементами художественности, разговорности, что соотносится с образным сравнением и метафорой: *Накопление богатства ради богатства каждому родовичу показалось бы бессмысленным и грязным занятием, но если бы кто-либо стал «обжимать»* (кавычки автора. – Е.Б.) *соплеменников, то те бы его либо выгнали, либо убили как выродка.*

Образные сравнения нередко очень распространены и актуализируют экспрессивно значимую семантику интенсивности в представлении бытовой картинке: *Система деформируется, как автомобиль, несущийся с такой скоростью, что от него отлетают колеса, ломаются оси.*

Иногда в одном предложении можно встретить и малоизвестный термин, компаративный образ в рамках разговорного стиля: *Существует мнение, что этносфера создавалась при появлении человека, причем именно этот момент именуется этногенезом, а потом этносы лишь меняются местами, как карты в пасьянсе.*

Если в работах, созданных с 1960 по 1970 гг., преобладают стертые метафоры (*Археологическая культура (данного народа), представляющая собой кристаллический след его исторической судьбы...*; *Китайские пограничные войска были разбиты и отступили, обнажив границу*), то в трудах последних двух десятилетий чаще появляются и образные метафоры. Отметим из них:

– деструктивные: *Но гораздо более сильной была травма 1223 г. — битва на Калке и 1224 г. — падение Юрьева, где ливонские рыцари пощадили пленных эстов, но не оставили в живых ни одного русского; При Святославе надлом был преодолен, и русский этнос вступил в фазу постепенного угасания страстей, забвения идеалов и торжества себялюбия как социального императива поведения;*

– когнитивные метафоры, например: *Первая [официальная история] поливала образ Тэмуджина лестью, пока не превратила его в лакированную куклу, а вторая [«тайная»] собирала сплетни и сдабривала ими повествование. По Н. Д. Арутюновой, когнитивная метафора представляет собой сопоставление «субъекту метафоры признаков, свойств и действий, характерных для другого класса объектов или относящихся к другому аспекту данного класса...» [1].*

Метафоры в более поздних работах активно участвуют в экспликации ключевого понятия исследователя – *пассионарность*. Понятие «пассионарность» и сопровождающие метафорические ряды являются своеобразным стержнем, который держит весь текст и является сквозным образом. Понятие «пассионарность» представлено следующим градиционным метафорическим рядом: *энергия / напряжение / рождение / пассионарный толчок / надлом / взрыв:*

– *Видимо, наиболее правильно объяснить ее [кривую проявления пассионарности] как инерционную, возникающую время от времени вследствие «толчков», которыми могут быть только мутации, вернее микромутации, отражающиеся на стереотипе поведения, но не влияющие на фенотип;*

– *Зато идеологическая система при набухающей пассионарности этноса всегда агрессивна, вследствие чего для соседей опасна;*

– *Но «белые кровавые шарики» (лейкоциты. – Е.Б.) – местные пассионарии – ликвидировали инфекцию, следом которой осталось только название князей-воинов – Рюриковичи.*

Начало же этому метафорическому ряду было положено в одной из ранних работ: *И, наконец, пассионарный толчок описан как облучение плода в утробе (Монголы и меркиты, 1977).*

Сквозные для работ Л. Н. Гумилёва образы, связанные с различными науками: биологией, физиологией, медициной, строительством, театром присутствуют и в ранних, и более масштабно в поздних работах: *Это зародыши государственной власти оказывается более древним, чем институт государства, основанный на насилии одного класса над другим; Эта [пропаганда любых неканонических идей] «раковая опухоль» разъела тело халифата; К середине XV века на месте древнерусского этноса возникли три новых, непохожих на своего одряхлевшего предка.*

Одной из специфических черт языковой личности Л. Н. Гумилёва можно назвать использование на протяжении всего творчества ярких, образных выражений, созданных на основе разговорных, религиозных, литературных текстов, что свидетельствует и о его высокой степени компетенции, и о широте

ассоциаций, и о яркости его эмоционального восприятия.

Сопоставив особенности использования компаративных тропов в сочинениях Л. Н. Гумилёва разных временных периодов, мы увидели следующее.

В ранних работах ученого-этнолога больше использовано сравнений, чем метафорических образов, и прежде всего сравнений-сопоставлений и смежных с ними сопоставительных структур, маркированных союзами *а, чем*, отрицательной частицей, сопоставительной интонацией. Уже в этих трудах Л. Н. Гумилёв проявилась одна из заметных

черт его языковой личности – стремление экспрессивизировать академическое изложение, что проявляется в использовании книжных и разговорных фразеологических единиц, основаниями которых являются сравнения и метафоры, литературных реминисценций и так далее. Эта черта языковой личности ученого ярче проявилась в более поздних его монографиях, в которых уже гораздо чаще используются метафоры и образные сравнения (и нередко индивидуально-авторские). Цепочки компаративных образов участвуют в экспликации ключевой идеи работ Л. Н. Гумилёва – пассионарность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Арутюнова Н. Д.** Метафора и дискурс // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – 512 с.
2. **Гумилёв Л. Н.** Великая распря в первом тюркском каганате в свете византийских источников // Византийский временник. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1961. – Т. XX. – С. 75–89.
3. **Гумилёв Л. Н.** Древние тюрки. VI–VIII вв. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. – Л.: ЛГУ, 1961. – 28 с.
4. **Гумилёв Л. Н.** Памятники хазарской культуры в дельте Волги. – М.: Сообщение государственного Эрмитажа, 1965. – Т. XXVI. – 512 с.
5. **Гумилёв Л. Н.** От Руси до России. – М.: Астрель, 2005. – 416 с.
6. **Гумилёв Л. Н.** Древняя Русь и Великая степь. – М.: Астрель, 2006. – 656 с.
7. **Гусев С. С.** Наука и метафора. – Л.: Ленинградский университет, 1984. – 192 с.
8. **Кожевникова Н. А.** О соотношении тропа и реалии в художественном тексте // Поэтика и стилистика. – М., 1991. – С. 37–63.
9. **Кожина М. Н., Дускаева Л. Р., Салимовский В. А.** Стилистика русского языка. – М.: Флинта, 2008. – 464 с.
10. **Можаева Г. В., Мишанкина Н. А.** Контент-анализ историографического источника (к вопросу о междисциплинарности лингвистических методов) // Вестник Томского ун-та. – Томск: ТГУ, 2007. – № 294. – С. 52–61.
11. **Огольцев В. М.** Устойчивые сравнения в системе фразеологии. – Л.: ЛГУ, 1987. – 192 с.
12. **Русский язык: энциклопедия** / под ред. Ю. Н. Караулова. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1997. – 721 с.

DOI: [10.15293/2226-3365.1405.19](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1405.19)

Bachurina Elena Borisovna, Post-Graduate Student of the Department of the Modern Russian Language, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation.
E-mail: bachur08@mail.ru

STYLISTIC VARIATION OF L. N. GUMILEV'S DISCOURSE BY COMPARATIVE TROPES

Abstract

In article gives the features of the usage of comparative tropes (as comparative units of Functional Semantic Field) in the academic and popular scientific works of the famous scientist L. N. Gumilev and determines the individual features of language personality of the author. It is noted that L. N. Gumilev, choosing the unconventional style in later works, consciously chose adopted by the academic Canon living language of the narrative. It is emphasized that in early works prevail syntactic comparative: comparison – comparison, comparative patterns, and later the number of lexical and semantic comparatives, metaphors increased markedly.

To sum up, it is revealed one of the most noticeable features of L. N. Gumilev personality language – aspiration to an expressivization of the academic statement being shown in use of the book and colloquial phraseological units which bases are similes, metaphors, literary allusions.

Keywords

comparative tropes (simile, metaphor), academic and educational narrative styles of scientific statements

REFERENCES

1. Arutyunova N. D. Metaphor and discourse. *Theory of metaphor*. Moscow, Progress Publ., 1990, 512 p. (In Russian)
2. Gumilev L. N. Great feuds in the first Turkish Kaganate, in the light of the Byzantine sources. *Byzantine annals*. Moscow, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1961. V. XX. pp. 75–89. (In Russian)
3. Gumilev L. N. *The ancient Turks. VI-VIII centuries*. Author's abstract, Leningrad: Leningrad State University Publ., 1961. 28 p. (In Russian)
4. Gumilev L. N. *Monuments Khazar culture in the Volga Delta*. Moscow, the Message of the state Hermitage. V. XXVI. 1965. pp. 49–51. (In Russian)
5. Gumilev L. N. *From Rus to Russia*. Moscow, 2005. 416 p. (In Russian)
6. Gumilev L. N. *Ancient Rus and the Great steppe*. Moscow, 2006. 656 p. (In Russian)
7. Gusev S. S. *Science and metaphor*. Leningrad: Leningrad State University Publ., 1984. 192 p. (In Russian)
8. Kozhevnikova N. A. Selected Works on the Language of Fictional Literature. *Poetics and Stylistics*. Moscow, 1991. pp. 37–63. (In Russian)
9. Kozhina M. P., Duskaeva L. R., Salimovskiy W. A. *Stylistics of Russian Language*. Moscow, Flint Publ., 2008. 464 p. (In Russian)

10. Mozhayeva G. V., Mishankin N. A. *Content Analysis of Historiographic Source (on the interdisciplinarity of linguistic methods)*. Tomsk State University Review, no. 294, pp. 52–61. (In Russian)
11. Ogoltsev V. M. *Sustainable Comparison in the System of Phraseology*. Leningrad, Leningrad University Publ., 1987. 192 p. (In Russian)
12. *Russian language: encyclopaedia*. (Ed.) Y. U. Karaulova. Moscow, Big Russian Encyclopedia Publ., 1997. 721 p. (In Russian)